

Печаль его светла

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВ,

д. Калинино

В декабрьском номере журнала «Новый мир» за 1962 год была опубликована «Вологодская свадьба», сразу же ставшая знаменитой: ее с большим интересом читали в деревнях и городах рядовые читатели, а профессиональные критики — конъюнктуристы изоцрялись в избиении автора.

Передо мной лежит «Новый мир». И начинается он... с тринадцатой страницы. «Вспоминаю свое детство: после праздников мы, малые ребятки, допускались к сладким пирогам и с вожделием выковыривали «глазки» — ландринки, запеченные в тесто. Сладкие пироги на Севере — такое же нарцодное творчество, как резные наличники на окнах, «петухи» и «коньки» на крышах, фигурные расписные прясныцы и кустарные ткацкие станы, как колокольчики «дар Валдая» под дугой и бубенчики (воркуны, ширкунцы) на ошейниках у лошадей».

Повторяю, выписка сделана с тринадцатой страницы, которая теперь является первой: шесть листов номера с фарзацем и мягкой обложкой «зачитаны» десятками читателей нашей округи.

В январе 1963 года началась кампания шельмования автора. Сначала проводились читательские конференции и организовывались так называемые «письма читателей». Потом вслед за «письмами с Родины» повели наступление на Яшина московские критики — конъюнктуристы.

По заданию ЦК ВЛКСМ в Вологду приехал некий Петерсон и совместно с обкомами комсомола и партии провел читательскую конференцию. Цель этого мероприятия: обвинить А. Яши-

на в очернительстве, в охаивании земляков. Заранее подобранные и проинструктированные читатели пытались выполнить задание обкомов и Москвы. Но выступления поэта А. Романова, преподавателя пединститута Г. В. Тряпиной, студента Крюкова сорвали маски с демагогов и квасных патриотов, которые казенными словами пытались навести глянец на неприглядную действительность.

Провал мероприятия ничуть не смутил Петерсона, и он «провернул» подобное в Никольске: в читальном зале библиотеки имени Потанина собралось 43 человека. Люди были разные и оценки тоже разные. Но Петерсон огласил заранее написанное письмо под названием «Свадьба с дегтем» и предложил поставить подписи.

Я не знал об этом собрании и не знаю: сколько человек подписалось под пасквилом Петерсона. Меня удивили подписи хороших знакомых учителей: А. М. Гомзкова и А. С. Наволоцкого. В ответ на мое письменное недоумение Александр Михайлович написал: «Письмо Яшину было написано односторонне и не совсем объективно, поэтому я его не подписывал. Появление моей подписи в газете лежит на совести авторов письма. Пробовал я выяснить, кто и как учинил мою подпись, но не нашел и концов этому делу. Яшин нас заставил задуматься и обсудить «Свадьбу» — это уже хорошо. Если мы хотим всерьез бороться с бытовыми недостатками и лечить наши социальные болезни, то мы должны расширить обсуждения «Свадьбы» в колхозах и лесопунктах».

С А. С. Наволоцким я спорил почти два года, и только в мае 1965 года он признал свою оплошность: «Моя подпись под тем письмом как-то не к месту. Поставил ее тогда второпях, сгоряча...».

Под «Свадьбой с дегтем» не было подписи Г. А. Горчакова,

который еще в студенческие годы учился стихосложению у А. Я. Яшина и до сих пор «грешит» этим. Не раз и не два спрашивал я Горчакова: «Почему не пришел на судилище и не защитил Яшина?». Ответы всегда были как-то обтекаемые и уклончивые.

Читателю «Авангарда» не трудно представить то время, когда директивы Москвы были законом и требовалось лишь одобрение их. Своимыслие каралося партийными взысканиями. Это теперь позволено говорить. Это теперь позволено говорить, что думаешь.

Хочется сказать о профессиональных критиках, выполнявших задание: осудить и пригвоздить А. Яшину. В журнале «Октябрь» № 4 за 1963 год опубликована статья Н. Сергванцева «Трагедия одиночества и сплошной быт», где говорится: «Даже грамотность в деревне не радость, а бремя. Больше того, элегические воздыхания автора о колокольчиках, переполненных добром кованых сундуках, о примитивных крестьянских орудиях прошлого, за ненадобностью сваленных на чердак, — все это должно вызвать сожаление о «старых добрых временах».

«Идиотизм деревенской жизни», отмеченный 100 лет назад К. Марксом и связанный с укладом старой деревни, с ее замкнутостью и изолированностью, использован А. Яшиным для критики современной деревенской действительности. Он не увидел ничего светлого, достойного одобрения и утверждения...

...Механизация освобождает крестьян от непосильной, почти круглосуточной работы и дает простор для духовного и культурного роста».

В майском номере журнала «Москва» за 1963 год Дымшиц в статье «Личность художника», писал: «С самой вологодчины раздался голоса протеста против «Вологодской свадьбы». Пов-

торяты аргументы, высказанные земляками писателя, не буду — скажу лишь, что они опровергают впечатление писателя от родной деревни ссылок на фактическое положение дел. И эти ссылки довольно ясно показали, что А. Яшин весьма неглубоко всмотрелся в жизнь и людей».

Был еще «обличитель» Яшина — Г. Бровман. Я не хочу его цитировать, он такой же, как и Сергванцев и Дымшиц. В книге В. П. Астафьева «Зрячий посох» Г. Бровман упоминается несколько раз. Первое: из письма К. Воробьева В. Астафьеву: «Мне что-то сейчас не работается. Наверное, ожидаю хулу и брань всяких «бровманов»... Сволочи, выбивают недозволенными приемами перо из рук, никак не могу привыкнуть к оскорблениям, хоть на мне уже места живого нет.»

Второе: «После того как критик Г. Бровман навалился на К. Воробьева, — пишет В. Астафьев, — и начал прорабатывать его при появлении любого его рассказа, любой повести — будто на посту стоял и караул: Мне пришлось вступить за фронтовика-писателя, и я, чуть ли не впервые, попробовал себя в критике, написал статью в газету «Литература и жизнь» под названием «Яростно и ярко». Критик А. Н. Макаров, главное действующее лицо «Посоха памяти», назвал Г. Бровмана «правоверным приспособленцем».

Ф. А. Абрамов заочно познакомился с А. Я. Яшиным через тещу «Сирота». Летом 1963 года он приехал на Бобринский угод к А. Яшину. Две недели провели вместе эти два праведника Земли Русской. Через много лет Ф. А. Абрамов написал воспоминания об этой встрече, которые назвал «Семь верст до небес». Рассказал Ф. А. Абрамов и о поездке к прототипам «Вологодской свадьбы» в Скожково, Вырыпаево и Теребаево. В Скожкове жила в то время Анна Григорьевна, мать невесты, и родная тетя А. Яшина. В Вырыпаево — сестра Яшина Мария Антиповна и ее муж Иван Васильевич Кошаров, а в Теребаево главные герои, — жених Иван Иванович Белозерцев и невеста — Нина Ильинична.

4 февраля сего года я впервые

встретился с И. И. Белозерцевым и спросил о жите — бытие, об отношении к знаменитому родственнику. Иван Иванович сказал, что «Вологодская свадьба» написана по горячим следам и никаких художественных домыслов в ней нет. Есть лишь незначительная перестановка одного факта. В «Вологодской свадьбе» сказано: «Напилился молодой князь и начал куражится. Нашел где-то каракулевую шапку, нацепил ее на ухо и кричит: «Я-Чапай! Кто на моем пути? Всем приказываю: долгой!» И. И. Белозерцев поправляет автора: «Шутка с папайхой была, но года через два после свадьбы. А Яшин же эту сценку перенес на свадьбу... Писатель вправе, наверное, так делать...».

У супругов Белозерцевых двое детей. сын Владимир и дочь Галина.

Александр Яковлевич и в «Вологодской свадьбе», и в «Сироте», и в стихах воспевал свой край и в то же время печалился о том, что деревни умирают, что политика «стирания граней» между городом и селом ведет к разрушению основных принципов деревенской жизни, ее многовекового уклада, традиций...».

В небольшом рассказе Яшина «Старый валенок» пожилой одинокий колхозник изливает накопившее единственному живому существу — коту: «Ну, выпили мы с Прокопом маленько, поседели, посовещались, души свои разбередили. Поди, и поворчать старикам нельзя? Сколько раз колхоз наш укрупняли, разукрупняли — как душе не болеть. Пасеку похерили — пчелы, видишь, невыгодны, кур — похерили — куры невыгодны, лошадей — на колбасу. Земля стала невыгодной, лес наступает на сенокосы, на пашни. Того гляди, и старики станут невыгодны. Что же такое происходит? Опять же говорю председателю: все берега по реке инвняком затянуло, отдай их мужику исполу, расчистят, пушай два года косят для своих коров, потом колхозу перейдет, выгодно. А он что? На мелкобуржуазию, говорит, воду льешь...»

Прошло 30 лет. О чем печалился А. Яшин тогда, об этом заговорили теперь: землю возрождать, крестьянскую жилу нащупывать стали...